

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.4.80-91

Шмидт В.В.

Религия: к проблеме дефиниции

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания РАНХиГС-2018 г. № АААА-А18-118013190105-2 по научному направлению «Социально-исторические, политико-правовые, культурологические и философские исследования» по теме «Система экспертно-аналитического обеспечения религиозно-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации».

Аннотация. В статье при рассмотрении феномена религии – анализа объёма и содержания этого понятия, – выделен ее качественный семантический (генетический) признак – отчуждение, который вместе с тем есть фундаментальное начало становления суверена – «Я» (субъектности). Особенность природы «отчуждения» – этой фундаментальной функции – открывать, обеспечивать проявление универсалий и/или категорий, базовыми из которых является биномы «бытие – ничто», «сакральное – профанное», «духовное – вещное», «идеальное – материальное», «Бог / Абсолют – человек», «трансцендентное – трансцендентальное / имманентное», «власть – право / обязанность», «единое / целое – конкретное / индивидуальное» «общее – частное» и т.п. Выдвигается гипотеза, что именно эта «природная» схожесть обуславливает процессы сакрализации/клерикализации власти и религиозизации политики как и идеологизации и политизации (этатизации) религии – по сути, диффамации каждой, если в культуре институты науки и образования не обеспечивают онто-аксиологическое удостоверение их оснований, а законодательные и правоохранительные органы не обеспечивают разделение властей и развитие гражданско-государственных процессов и институтов.

Ключевые слова: религия, религиозная традиция, религиозный комплекс, философия религии, аксиология, теория, эпистема, религиоведение

William V. Schmidt

Religion: On the Issue of Defining It

The paper was prepared within realization of the state task of the RANEP-2018, no. АААА-А18-118013190105-2

Abstract. While analyzing the phenomenon of religion, namely the volume and the essence of this notion the article emphasizes/highlights its qualitative semantic (genetic) characteristic – alienation, which at the same time serves as the fundamental platform for forming the sovereign – «I» (subjectivity). The nature of «alienation» as the basic function is unique in its ability to reveal, provide manifestation of universals and/or categories, the most basic of which are binomials, such as: «being and nothingness», «sacred – profane», «spiritual – material», «ideal – real», «The god / Absolute – a person», «transcendent – transcendental / immanent», «the power – a right / duty», «one whole – concrete / individual», «common – private», etc. The hypothesis is made that it is due to this «natural» similarity that processes of sacralization/clericalisation of power and religization of policy, as well as ideologization and politicization (etatization) of religion, occur (being, in fact, defamiation of each category) if the institutes of science and education do not provide the onto-axiological grounds, and legislative and law enforcement agencies do not provide separation of powers and development of civil and state processes and institutes.

Key words: religion, religious tradition, religious complex, philosophy of religion, axiology, theory, episteme, religious studies

---

Шмидт Вильям Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений ИГСУ РАНХиГС, Советник Российской Федерации 1 кл; пр. Вернадского, 84, Москва, 119606; william@list.ru

William V. Schmidt – DSc. (Philosophy), Professor, Class 1 Advisor of the State Civil Service, Professor at the Department of State and Confessional relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 84 Vernadskogo pr., Moscow, Russia, 119606; william@list.ru

В Российской Федерации, как и всякой иной стране, в целях оценки перспектив и задач по воспроизводству кадров ежегодно подводятся итоги абитуриентской кампании [Минобрнауки, <http://минобрнауки.рф/новости/8708>], а с ними специалисты фиксируют парадоксальную ситуацию – среди социально-гуманитарных направлений подготовки «Религиоведение», «Теология» и «Конфликтология» остаются практически не востребованы как выпускниками школ, так и широкими слоями населения, хотя статистика говорит о неуклонном росте религиозности населения [Религиозность, <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/religious-tolerance.html>]. Невостребованность образовательных услуг в целях повышения «качества» религиозности и этнокультурной компетентности позволяет некоторым религиозным деятелям соединять проблему религиозной некомпетентности с экстремизмом¹.

Представители органов государственной власти всех уровней, включая президента, также говорят о высокой востребованности специалистов в этно-религиозной сфере для обеспечения потребностей общества и государства – сегодня их крайне мало. Согласно рейтингу FORBES, первую десятку наиболее востребованных специалистов замыкает именно «Эксперт по абсорбции, национальным и религиозным конфликтам» [Самые востребованные профессии, <http://moscow-city.online/news/14260/>], но анализ динамики воспроизводства таких специалистов в России свидетельствует, что со временем их и вовсе может не стать.

В 2012 г. на международном симпозиуме «Религия, демократия и гражданское общество» (Право, ВУУ) в докладе «Человек – индивид – личность: религиозный фактор как проблема религиозного комплекса и картины мира (к перспективе гражданско-политической как национально-государственной и региональной стабильности)» мы отмечали: «Рассуждая о структуре системы и идеологии системы, мы неизменно будем выходить на её аксиологическое ядро – то и только то, чем человеческое общество будет отличаться от всех иных объектов этого мира. Мы – человек и человеческие сообщества – всегда будем апеллировать к системе ценностей, т. е. тому, что планом своего выражения имеет область сакрального и священного с аутентичными ей сакральными и священными объектами и предметами <...> недостаточно чёткое представление о сути религиозного комплекса и религиозном факторе, а также неспособность “договориться” об ответе на извечное вопрошание к самому себе – человеку, – что он суть, порождает широчайший спектр проблем, которые так и остаются неразрешёнными с увеличивающимся потенциалом конфликтности» [Шмидт, 2014, <https://www.iclrs.org/event.php/2012+Annual+Symposium/Media/Russian/540>].

В условиях всё более активных дискуссий о глобальных трансформациях, как было отмечено в 2017 г. в Тбилиси на международной конференции «Религия и наследие Советского государства: 25-летняя ретроспектива», возникает острая потребность вернуться к проблеме определения (дефиниции) религии как одного из фундаментальных явлений, от подхода(ов) к пониманию которого зависят определённости форм реальности и принципы организации миропорядка – те универсалии, которые задают систему институциональной иерархизации, принципы легитимации и модели взаимодействия; кроме того, политизация и идеологизация религиозного фактора, как мы это можем видеть в регионах мира и отдельных странах, является существенным вызовом и угрозой национальной и государственной безопасности общества, стабильности и миру [Шмидт, <http://www.religiopolis.org/documents/11749-v-v-shmidt-religiya-i-ee-opredelenie-kak-problema-etnokulturnoj-ustojchivosti-i-vyzov-natsionalnoj-bezopasnosti-tbilisi-iyun-2017.html>]; также см.: Значение, <http://igsu.ranepa.ru/news/p62907/>].

* * *

Религия – простейшее явление действительности – явление природы, включая социальную, экзистенциально-трансцендентального порядка и/или феномен обособленной, уникальной реальности – явление духовного-трансцендентного, номиналистического порядка.

Религия рассматривается практически всеми отраслями наук, поскольку такой феномен как религиозный фактор относится к фундаментальным. (Это,

в частности, также является проблемой, учитывая особенности его выведения в естественно-научных и номиналистических [идеалистических] системах). Фундаментальность религии и религиозного фактора обусловлена тем, что они суть *система отношений*, в которой предельными сторонами выступают «А» и «не-А», т. е., в зависимости от историко-культурных и гносео-праксеологических традиций – Трансцендентное, Абсолют, Сущее, Бог и собственно Человек (его внутреннее Я), а их связь [= отношения] – не что иное, как вера, суть *вера*. Следовательно, вне веры (без веры) нет религиозных отношений. Заметим: не всякая вера является основанием как религиозных отношений, так и, в будущем, когда религия как традиция = культура начнёт проходить период институционализации, религиозной системы.

С точки зрения логики, особенно формальной, такая *система отношений* есть не что иное как пра-логическая, пра-гносеологическая, пра-аксиологическая модель, т.е. собственно модель мира [= бытия]. (P.S.: забегая несколько вперёд, заметим, что этот 3-частный / 3-единный комплекс – эпистема – и есть матрица [= фрактал] бытия – его код, – который в культурах, как правило, табуирован.) [Харитонов, Шмидт, 2012].

Эта модель есть образ мира (природы), в котором бытует познающее себя человечество, а потому она как модель-эпистема является базовой для иных – она первична; потому и религиозный фактор наличествует как неизбывное на всех уровнях бытия, как бы далеко они не отстояли от «ядра» культуры (= действительности). Структура действительности может быть как простой, так и усложнённой² – может восходить как к вещности, материальному, так и к духовному, идеальному. В первом случае (в материалистических философских традициях) мы получаем религию как явление социального, надстроечного, порядка, которое преодолевается гносеологическим инструментарием [= просвещение], т.е. религия здесь есть идеология; а во втором (в идеалистических философских традициях) религия выступает как базовое, фундаментальное основание системы – её онто-телеология. (В этой, второй, модели бытия различаются две основополагающие традиции – собственно рационалистическая (= катафатическая, а потому позитивистская, философская) и иррационалистическая (= апофатическая, а потому интуитивистско-экзистенциалистская, тео-[телео-]логическая; с учётом «инверсий» в рамках «вечного вопроса философии», «первенство» легко смещается, в том числе и за счет именованной системы, – мы имеем концепции «объективного реализма», «метафизического реализма» и т.д.), содержание и противоречие которых сводится к тому, как именно мыслится/понимается трансцендентное, т.е. *потустороннее*).

Итак, мир, т.е. посюстороннее, человеку дан опытно – исключительно в опыте и как опыт – вне опыта ничего не знать, не познать принципиально невозможно, а потому трансцендентное = потустороннее как таковое не существует – его просто нет и быть не может – трансцендентное есть лишь аксиоматическое допущение к тому, чтобы была возможность мыслить – совершать ментальный акт, акт сознания. Это – категорическая, неизменная позиция всякой философии как науки о предельных основаниях бытия; начиная с Нового времени всё, что вне этого – не наука.

Следствием этого основания и/или его итогом является и условие (принцип) для любой классификация – задавать единообразие не только требований, но и удерживать, обеспечивать способ универсализации: 1) любая классификация верна только если двухчленна; каждый из членов – также является двучленом; 2) попадающий под классификацию объект есть не внутреннее единство образующих его элементов, а внешнее – тех взаимодействующих в его составе, как среде взаимодействия, противоположностей; 3) изменение объекта эффективно, если изменяется не он, как среда, а воздействующие на него факторы (для сущности субъекта воздействия изменение не губительно, если оно несущественно – не приводит к трансформации); 4) знание об объекте исследования полно, если известен и его состав, и факторы, образующие его сущность.

Как и всякий объект, религия познает как опытно, так и теоретически, как извне, так и изнутри, как своими собственными средствами (инструментами), так и заимствованными из иных отраслей. Как знание внутреннее, для-себя-бытие, религия суть теология, данные которой способны составлять не только ценность, но и значимость, особенно для наук, работающих с «прикладными» данными, отраслевым знанием, – философии и религиоведения, как наук мета-уровня.

В отличие от всех классических наук, опирающихся на аксиомы формальной логики, теология (и христианская, и мусульманская) говорит об обратном – именно «трансцендентное»³ (= инобытие) и есть то самое «истинное, сущностно значимое» Небытие, из которого и/или от которого начинается творение – бог есть НИЧТО, а потому это Ничто и есть Сущее без которого и/или вне которого всякое конкретно-определённое [= тварное] не может быть, т.е. именно благодаря ему всё, что сотворено, т.е. всё, что наличествует в мире и наличествует как мир есть, бытийствует. Следовательно, если есть желание/намерение познавать мир, изучайте закон, каким этот мир утверждается – закон Бога-творца, который им же установлен и дан как закон естественный (= Откровение). Как познавать? – просто: необходимо вести диалог (= молиться) – вступать в отношения (= верить) с богом и, таким образом, быть взаимосогласованными в волях (= сотворчествовать)...

Религиоведение как междисциплинарная, философская отрасль в своих исследованиях религиозных традиций исходит из выделения и полагания основным объектом именно *религиозного комплекса* – исторически сложившихся или возникающих представлений о боге (сакральном, сущем, Абсолюте, трансцендентном), представлений о человеке, представлений об их отношениях, включая ритуал и культ, а также их факте; о религиозном и нерелигиозном сознании (мировоззрении) и их диалоге; о религиозной и нерелигиозной деятельности индивида и группы (организации). Учитывая сложную структуру собственно объекта этой науки – религиозного комплекса, – становится понятным столь внушительный (большой) разброс не только определений религии [1000 дефиниций, <http://religiousstudies.in/proekt/1000-definicij-religii-enciklopediya/>], но и их интерпретаций; в контексте же замечаний о классификации и обычных процедур уточнения понятий, с учётом уровня и способа его образования, все может значительно упроститься, если исследователь изначально поставит себе целью заполнить таблицу – обеспечит верификацию понятия:

№ п/п	главный определяемый объект		Бог	Человек	Вера / Религиозные отношения	Ритуал	Культ	Сознание (мировоззрение: религиозное / нерелигиозное)	Деятельность (религиозная / нерелигиозная)
1	Теология (с учетом вида религиозной традиции)								
2	История (исторический / формационный / цивилизационный)								
3	Психология <i>и/или</i> Феноменология								
4	Социология (социологический и виды)								
5	Политология <i>и/или</i> Правоведение(процессуально-правовой /институциональный / формационный)								
6	Культурология <i>и/или</i> Этнография								
7	Кибернетика <i>и/или</i> Коммуникология								
8	Философия	материалистические концепции							
		идеалистические концепции							
9	Религиоведение								

Очевидно, что всякая очередная эпоха и бытующие в ней научная традиция и традиция повседневности (бытовое мышление) эксплуатируют наработанную семиотическую и гносеологическую систему [Рахманин, 2009; Кун, 2003; Поппер, 1983; Шмидт, 2011; Элбакян, 2012; Повседневность, <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/5985-povsednevnost-religii-ili-religija-povsednevnosti.html>], редко задумываясь об объёме используемых понятий и контекста, определившего их содержание и отражающего не только процессы верификации как собственной их реальности, так и применимость к процессам действительности⁴, ярким примером чему может служить острая, но мало продуктивная для России дискуссия о проблеме секуляризма, если не придавать ценность лишь опыту собеседников в жонглировании понятиями и именами⁵ и опыту экспрессивной метафоризации [Эпштейн, 1996, 2013].

На наш взгляд, любые попытки сказать что-то о мире, не прибегая к сознанию – определению статуса Я-мышления с принципом его онтологизации, – обречены на неудачу⁶. Не больший результат ожидает и тех, кто игнорирует аналитико-синтетические способности мышления – способность к абстрагированию – производству категорий общее/целое/единое/Абсолют и рассмотрению явлений Мира (= целое) как отношений часть/целое или наоборот [Харитонов, Шмидт, 2012].

По состоянию бытующих в академической традиции на начало XXI в. представлений об историко- и онтогенезе, нет необходимости заниматься реконструкциями истории мира/человечества как историй локальных этнокультур и цивилизаций с установлением корреляций гражданско-политических форм бытования институционально-формационному их воплощению, репрезентируемому в системах социально-политической и философско-культурологической мысли, включая религиозно-философскую/теологическую мысль, чтобы доказывать очевидное – единство континуумов:

- физического бытия и бытия метафизического (семиотического);
- трансцендентального (образно-чувственной и понятийно-категориальной конкретности сфер) и трансцендентного (образ[ы] бинорма «А = неА» с качественно определяемым отношением между ними как логико-гносеологической родо-видовой подчинённости);
- взаимообусловленности праксеологических, гносеологических и трансцендентных моделей в рамках уклада конкретной этнокультурной традиции как картины мира, что и составляет собственно иерархизированную в своей структуре/основе онто-гносео-аксиологическую модель как ядро картины мира, которая постоянно разворачивается как система интерпретации/реинтерпретации, ре-/деконструкции и представляет конкретный опыт производства-воспроизводства в рамках конкретного[ых] поколения[ий] с учётом социокультурной, социально-экономической прогностики в части базовых смысло-определённостей и смыслополаганий [Молчанов, 1992; Забияко, 2010, 2011; Пылаев, 2011].

Благодаря специфике религиоведения, его мета-теоретическим возможностям, впервые в истории науки удаётся, на наш взгляд, преодолеть проблему «вечного вопроса» философии и их с теологией вековое противостояние, а также «этимологическую вулгаризацию», когда *re-ligio* воспринимается как «блуждание во тьме» [Философия, <http://igsu.ranepa.ru/news/p35110/>], поскольку бытующие представление о 3 уровнях сознания – мифологическом (синкретизм), религиозном/обыденном (пра-логическом) и сциентистском (понятийно-категориальном = научном, философском) – при учёте их качественных показателей дают возможность утверждать, что *религия* – базовое ядро, продукт метафизических систем, а его онто-гносеологический, философский «антидот» – идеология.

На отдельные аспекты недоразумений этого противостояния в начале XX в. в труде «Философ и Теология» указывал Э. Жильсон [Жильсон, 1995]; о проблемах «мощности» категорий Бытие-Небытие рассуждал А.Н. Чанышев в «Трактате о Небытии» [Чанышев, 1990]; большую часть проблем в «вечном вопросе» философии и отношении к теологии, похоже, также удалось преодолеть и нам – см.: «Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода» [Харитонов, Шмидт, 2012].

С учётом сказанного, в заключение можно предложить ещё одно, универсального порядка, определение религии:

– (*вариант 1*) Религия – возникающий на фидеистских интенциях (и/или эмпатии) субъекта⁷ опыт отчуждения⁸ модели отношений с миром (А – не-А), включая собственное Я, и предстающий в форме метафизической системы, в которой ино-бытие (трансцендентное) и его проекции (сакральное, ценностное, включая механизм взаимодействия) довлеют наличному (профанному) и переживаются (непосредственно/прямо [катафатически] или инверсивно [апофатически]) в категориях долженствования, субординации и трансгрессии;

– (*вариант 2*) Религия – жаждающая бытия эпистема (самосознание).

Религия, таким образом, оказывается сложным (полифункциональным) объектом:

– моделью бытия с инвариантами миропорядка;

– миропорядком, принцип организации которого соответствует типу/модели онто(аксиоматика)-логии(логики) и эксплицируется в социальных функциях и аксиологии,

– системой миропредставлений (мировоззренческая система с уровневыми спецификациями) с инвариантами причинно-следственных отношений (праксиологии – виды логик и типы аксиологий).

* * *

Мы вынуждены напоминать эти во многом тривиальные положения лишь потому, что в начале XXI в. в Российской Федерации и в целом на постсоветском пространстве в условиях демократизации и становления институтов гражданского общества возникла ситуация перехода [Повесть, <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>] к усложнённым моделям политической культуры при вульгаризации правосознания – избирательном применении правовых норм к субъектам гражданско-хозяйственных отношений [Институт, <http://igsu.ranepa.ru/p50856/p52571/p53350/>], прежде всего – в религиозной сфере, что, с одной стороны, входит в противоречие с конституционными нормами и гарантиями их охраны со стороны государства, а с другой – установками государства (представителей органов госуправления) на понимание содержания и условий национальной и государственной безопасности, включая формы и методы её обеспечения. Не затрагивая логику причинно-следственных отношений и тех следствий – угроз конституционному строю Российской Федерации в целом, – которые несут в себе логические следствия последних решений судов всех уровней РФ в отношении новых (нетрадиционных) религиозных движений (традиций), «малых» религиозных групп и объединений в условиях полиэтнического общества – взаимообусловленности статей 14, 19, 28 и 5, 71–73 и др. Конституции РФ, мы укажем на специфическое явление – фактический отказ (и/или неспособность) академического сообщества в современных социально-политических условиях от вскрытия противоречий, которые обуславливают социально-политические, этико-правовые, идеологические трансформации – трансформации формационного порядка. (Проведённое нами исследование с ноября 2016 по июнь 2017 г. [URL: <http://igsu.ranepa.ru/p50856/p52571/p53350/>] – более 30 интервью с представителями академического, религиозного, гражданского общества – демонстрируют спекулятивный общекультурный, общеполитический дискурс и желание избежать конкретных суждений и оценок. Схожая ситуация складывается с научными конференциями, посвящёнными итогам 100-летия Советской Социалистической революции, – их предметное поле и повестка дня в основном направлены на причинные отношения и далеки от разработки противоречий).

На наш взгляд, это обусловлено реакцией общественного сознания на процессы идеологизации и политизации духовной сферы последнего десятилетия – возрастающим уровнем запроса (востребованности) у человека и общества интерпретационных моделей, связанных не с онтологическими, а метафизическими проекциями и телеологическими концептами, которые активно встраиваются в бытующие и актуализируемые идеологемы. Нарастающая аксиологизация дискурсов в условиях низкой политико-правовой культуры, реализуемой все больше в форме

скоморошества, способна не только перегружать смысло-значимые элементы семиотического пространства культуры и усиливать социокультурную, этно-политическую напряженность, но и составлять реальную угрозу политической стабильности, что повышает уровень внимания к этно-религиозной и религиозно-идеологической сферам жизни общества в целом и отдельных групп в частности со стороны как силовых структур государства, так и политических сил. Высокий уровень конкуренции общественных организаций в доступе к государственному заказу (бюджетам) не в меньшей мере стимулирует «политизацию» религиозной сферы, в том числе в аспекте правоопределённости – кто именно и по каким основаниям может являться «религиозным»⁹.

Обращая внимание на широкую общественно-научную дискуссию о развитии религиоведческих и теологических компетенций [Кимелев, Еремеев, Шмидт, 2012] в системе мировоззренческих и общекультурных компетенций, её можно считать завершённой – эта позиция не является более актуальной, но её проблемность при этом остаётся острой: в соответствии с подпунктом «г» пункта 2 перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям от 04.12.2016 № Пр-2338, Правительству Российской Федерации было поручено обеспечить утверждение профессионального стандарта специалиста по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений (поручение Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2016 г. № АХ-П44-7462) и в настоящее время работы по формированию Профессионального стандарта № 1191 «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений» завершены [Козлов, Шмидт, 2017]. В соответствии с рекомендациями Управления Президента по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации и согласно приказу Минтруда России, в отличие от предложений группы разработчиков, данный профстандарт ориентирован лишь на «специалистов в области политики и администрирования» (код Общероссийского классификатора занятий – 2422, код по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности определён 84.11 – деятельность органов государственного управления и местного самоуправления по вопросам общего характера), т.е. на государственных и муниципальных служащих, чья деятельность должна определяться исключительно Общими квалификационными требованиями для замещения должностей муниципальной службы в органах местного самоуправления. Из двух обобщённых трудовых функций «Организация деятельности по сохранению этнокультурного многообразия народов России, укреплению межнационального (межэтнического) и межрелигиозного мира и согласия» (код А, уровень квалификации 6) и «Управление национальными и религиозными отношениями народов России в деятельности организации, включая социальную и культурную адаптацию мигрантов» (код В, уровень 7) в итоговой версии профстандарта осталась одна – «Организация и обеспечение деятельности государственных и муниципальных служащих, общественных объединений и организаций, направленной на укрепление общероссийской гражданской идентичности, сохранение этнокультурного многообразия народов России, межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия, социальную и культурную адаптацию и интеграцию» (код А, уровень 7), из которой была исключена формула «*общественных объединений и организаций*».

Всё это, на наш взгляд, говорит об устойчивой тенденции – последовательном усугублении противоречий системного, сущностного порядка, о чем уже упоминалось выше: подобные решения органов исполнительной власти, сколь бы формально логичными и обоснованными на первый взгляд они не казались, именно такой логической (по сути – идеологической) ущербностью формируют политико-правовые условия, подрывающие конституционные основы государственно-политического (общественного) устройства Российской Федерации – нивелируют/упраздняют те базовые принципы, на которых покоится Российское государство как государство федеративное, в частности – формируют условия правового ограничения доступа институтов гражданского общества и граждан к обеспечению государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной

национальной политики» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532) и разбалансировки стратегических целей государственной национальной политики Российской Федерации за счёт невозможности исполнять нормы Федерального закона «О независимой оценке квалификации» от 03.07.2016 № 238-ФЗ.

Все вышесказанное указывает на:

1) потребность в формировании новых подходов к пониманию процессов и явлений в духовной жизни общества, особенно в её крайних пределах – религиозно-аксиологической и политико-идеологической, учитывая беспрецедентно высокий набор инструментов, сформированных в философско-методологических разделах гуманитарного знания и способных не только продуцировать реальности неклассического типа, но и удерживать их средствами пропаганды сколь угодно долго в зависимости от политической задачи;

2) ревизии понятийно-категориального аппарата и переосмысления подходов к типологии и классификации религиозных систем [Религиоведение, <http://igsu.ganepa.ru/news/p36745/>], включая и социально-мифологические, с учётом формирования тенденций к определённым новому уровню – принципам и универсалиям, способных задавать и удерживать модели миропорядка, определяемые как глобальные, универсальные, учитывая, в том числе и рекомендации ВРМ: 20 мая 2019 г. государства Мира переходят на новую систему определения основных единиц измерения «СИ».

В качестве апробации предлагаем следующие тезисы в основание если не теории, то новой типологии и классификации:

1) *противоречие первого уровня*: мировоззренческие (религиозные) свободы, включая их гарантии и защиту, – признак правового государства и зрелости общества, но государство в лице его институтов и системы права испытывает давление вплоть до клерикализации в условиях необеспеченности принципа равноудалённости от права субъектов правоотношений и стимулирования политизации религии (религиозной радикализации), что в свою очередь приводит к регрессу правоотношений – идеологизации права – борьбе с инакомыслием и условиями мировоззренческого плюрализма – ограничению свобод в условиях религиозной радикализации;

2) *противоречие второго уровня*: уровень и структура реальности, включая её культы и шкалу (иерархию) ценностей, находится в прямой зависимости, вплоть до тождественности, со способами и механизмами актуализации индивидуализации-идентификации (принцип субвенциализма при этом – не только залог устойчивости и безопасности системы индивид-государство, но и суть, диалектика их идеократической функции); отчуждение воли как и иных атрибутирующих субъект признаков ради формирования общностей разного уровня и порядка находится в прямой зависимости от уровня их правового обеспечения – равных гарантий на свободу их отчуждения и институционального (политико-правового) потребления/использования;

3) *к проблеме определения понятия*: понятие религия в своём формальном, пустом изводе есть ни что иное как (суть) противоречие, снимаемое / выражающееся в культе (его форме), который есть (суть) установление тождества между сформированной в результате снятия новой реальностью (= природа) и условиями её появления. В части доступного изъяснения, религия суть метафора – совокупность приёмов и механизмов метафоризации явлений в целях получения эпистемы, в которой морально-эстетическое чувственное становится рациональным, а всякое субъективное может претендовать на объективность – объективируется.

Природ может быть множество – всё зависит от противоречия, способного быть снятым – задавать реальность, реализоваться как сущность. И каждое новое воплощение/становление/разворачивание реальности есть не что иное, как взыскание себя – вхождение в свою полноту, полноту себя – соотнесение себя в умопостижении с умопостиженным умопостижаемым (умопостижением) – именем. А это не что иное, как неизменно повторяющийся праксео-гносеологический акт: мифология извечно «беременная» – вынашивает метафизику (религию и философию), из которой рождается «пожирающая» их наука, – и так до бесконечности. Форма форм – вот

и сущность, и образ, и метафора Бога, открывающие и прообразующие диалектику реальностей – религию, её бытие (соотношения их – принцип, лежащий в основе бытия = жизни, потому в динамике и мерности мы ощущаем полноту, гармонию, потенцию; смысл начинается быть лишь как опыт и открытие этих закономерностей, их мерности с учётом уровня/вида реальности).

В условиях полионтологизма/высвобожденного сознания, семиогенез утрачивает догматизм – становится «пластичным», что проявляется в «дурной виртуализации» – создании симулякров, которые, в свою очередь, формируют квази-пространства, обеспеченные не неотчуждаемыми ценностями, а квази-ценностями, за счет которых и которыми и обеспечивается диффамацию ценностей неотчуждаемых, традиционных.

Библиографический список

1. Аринин, Е.И. 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций / под ред. Е.И. Аринина. – Владимир, 2014. – 650 с.
2. Аринин, Е.И. Религия, философия религии и «глокальное религиоведение»: между «экзотикой», «совестью» и «профессионализмом» (к дискуссиям на Конгрессах российских исследователей религии) / Е.И. Аринин // Вопросы философии. – 2017. – № 4. – С. 25–36.
3. Аринин, Е.И. Философия религии: Академическое введение в основные концепции и термины: учебн. пособие для студентов специальности и направления «Религиоведение» / Е.И. Аринин. – Владимир, 2014. – 407 с.
4. Аринин, Е.И. Что такое религия: 500 определений термина с комментариями / Е.И. Аринин. – Владимир, 2013. – 245 с.
5. Аркадьев, М.А. Временные структуры новоевропейской музыки: опыт феноменологического исследования / М.А. Аркадьев. – М., 1993. – 167 с.
6. Аркадьев, М.А. Лингвистическая катастрофа / М.А. Аркадьев. – М., 2013. – 504 с.
7. Жильсон, Э. Философ и Теология / Э. Жильсон. – М., 1995., – 192 с.
8. Забияко, А.П. Феноменология религии (статья первая) / А.П. Забияко // Религиоведение. – 2010. – № 4. – С. 152–164.
9. Забияко, А.П. Феноменология религии (статья вторая) / А.П. Забияко // Религиоведение. – 2011. – № 1. – С. 114–126.
10. Забияко, А.П. Феноменология религии (статья третья) / А.П. Забияко // Религиоведение. – 2011. – № 3. – С. 88–94.
11. Кимелев, Ю.А. Модель религиоведческого и теологического образования в системе образования России / Ю.А. Кимелев, игумен Петр (Еремеев), В.В. Шмидт // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 3. – С. 39–46.
12. Козлов, М.В. «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений»: проблемы и перспективы профессионального стандарта / М.В. Козлов, В.В. Шмидт // Государственная служба. – 2017. – № 4. – С. 73–78.
13. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 2003. – 605 с.
14. Молчанов, В. Парадигмы сознания и структуры опыта / В. Молчанов // Логос. – 1992. – № 3. – С. 7–36.
15. Поппер, К. Миф концептуального каркаса / К. Поппер // Логика и рост научного знания: избран. работы / К. Поппер. – М., 1983. – С. 558–592.
16. Пылаев, М.А. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX в. / М.А. Пылаев. – М., 2011. – 220 с.
17. Рахманин, А.Ю. К метатеории религиоведения: концептуальный каркас и проблема нормативного критерия науки / А.Ю. Рахманин // Религиоведческие исследования. – 2009. – № 1–2. – С. 7–23.
18. Ризоев, Ш.Х. Власть: проблема дефиниции – проблема природы / Ш.Х. Ризоев, В.В. Шмидт // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2018. – Т. 8. – Вып. 4 (32). – С. 337–346.
19. Рязанова, С.В. Категориальный аппарат религиоведения: границы, принципы, парадигмы / С.В. Рязанова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 37–50.
20. СВЕЧА–2013. – Т. 23: Религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении: мат-лы Международной конференции «Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении» (30–31.10.2013, Владимир, ВлГУ). – Владимир, 2013. – 279 с.

21. Струп, К. Российские истоки так называемого «постсекулярного момента»: некоторые предварительные наблюдения / К. Струп // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2014. – № 1 (32). – С. 9–39.
22. Труды IV Конгресса российских исследователей религии: Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: сборник докладов / Под ред. А.П. Забияко, М.М. Шахнович, Е.А. Аринина, П.К. Дашковского, В.В. Шмидта, Е.С. Элбакян. – Благовещенск, Изд-во Амурского гос. ун-та, 2018. – 582 с.
23. Харитонов, А.С. Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода / А.С. Харитонов, В.В. Шмидт // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 3. – С. 15–38.
24. Чанышев, А.Н. Трактате о Небытии / А.Н. Чанышев // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 158–165.
25. Шмидт, В.В. О знаке и символе в религии и обществе в аспектах межинституционального диалога / В.В. Шмидт // Религиоведение. – 2011. – № 3. – С. 69–74.
26. Шмидт, В.В. Сакральное – профанное: политико-идеологические аспекты бытия / В.В. Шмидт // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 10 (76). – С. 18–24.
27. Элбакян, Е.С. Повседневность религии или религия повседневности? / Е.С. Элбакян // Религия в меняющемся мире. – СПб, 2012. – С. 309–331.
28. Эпштейн, М.Н. Пост-атеизм, или бедная религия / М.Н. Эпштейн // Октябрь. – 1996. – № 9. – С. 158–165.
29. Эпштейн, М.Н. Религия после атеизма: новые возможности теологии / М.Н. Эпштейн. – М., 2013. – 416 с.

Текст поступил в редакцию 25.04.2018.

---

¹ Иларион, митр. Волоколамский: «...для предотвращения терроризма необходимо полноценное религиозное образование – от начальных классов школы до аспирантуры. Мы должны, наконец, обеспечить нашим гражданам такой уровень грамотности в религиозных вопросах, который сделает невозможным увлечение террористической идеологией под какой бы то ни было религиозной маской. Каждый гражданин нашей страны любого возраста должен знать, чему учат традиционные религии, и понимать, что идеология терроризма противоречит фундаментальным основам любой религии. Выстроить полноценную систему религиозного образования – наша общая задача» [В Москве, <https://mospat.ru/ru/2018/03/27/news158285/>; Выступление, <https://mospat.ru/ru/2018/05/12/news159861/>].

² Всё зависит от уровня организации – способов снятия противоречий, возникающих в социальном мире, начиная с перехода к родо-племенным и вплоть до пост-индустриальных общностей, включая формации с их технологическими укладами – существо проблемы масштабно иллюстрирует Гегель; в редуцированном виде – Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

³ Сделаем оговорку: Трансцендентное не в прямом, философском, смысле, а как указание на потустороннее – инобытие, божественное, сакральное – то, что не-/анти-профанно, т.е. не природно, не наличное в смысле естественно-научности, которое дано нам в ощущении, но при этом оно все же не перестаёт быть естественно-налично, поскольку оно также природно – имеет свой контекст противоречий, «снятие» которых происходит когнитивными средствами, а выражение – в номиналистических образах, вслед которым образуются понятия и категории.

⁴ На проблему переосмысления бытующих в религиоведении понятий и их ревизии в российском религиоведении мы неоднократно обращали внимание: бытующее некорректное понятие «религиозное сознание» вместо «религиозное мышление» или, в условиях мультирелигиозного общества, «государственно-конфессиональные отношения» вместо «государственно-религиозные». Об опыте осмысления см., наприм. [Аринин, 2013; Аринин, 2014; Аринин, 2017, 4; Рязанова, 2013; СВЕЧА–2013; Аринин, http://polatulet.narod.ru/dvc/com/arinin_filofosija_religii.html; Забияко, <http://religious-life.ru/2013/03/zabiyako-religiya-opyit-ponimaniya-i-tipologii/>].

⁵ См. раздел «Дискуссия» в журнале «Религиоведческие исследования» [№ 1–2 (5–6) за 2011]: *Апполонов А.В.* О понятиях «религия» и «светское» в средневековой европейской традиции; *Узланер Д.А.* О «религии» и «секулярном» ещё раз: ответ Алексею Апполонову; *Апполонов А.В.* Ещё раз о том же. Об освоении проблем секулярно-постсекулярного пространства-традиции, связанных, по сути, с частным исследовательским интересом и отдельными рецепциями идей западно-европейской религиоведческой жизни см. в журналах: «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом» [2012. № 1 (30), «2 (30)», «Логос» [2011. № 3 (82)]. О взгляде на российскую действительность см. [Струп, 2014].

⁶ Базирующиеся на методологических основаниях полионтологизма концепции и подходы «постсекулярного мира», в частности, когнитивизм, вызывают большой интерес, но вряд ли они дадут нечто более основательное и убедительное в сравнении с «классическими» эпистемами (см.: *Агаджанян А.* Религия и теория: современные тенденции; *Шахнович М.* Когнитивная наука и исследования религии; *Михельсон О.* Подходы к изучению религии в современной эволюционной психологии; *Гириц А.* Новые атеистические подходы в когнитивной науке о религии; *Пахомов С.,*

Рахманин А., Светлов Р. Творческое наследие Евгения Торчинова и особенности его типологии религий; Аринин Е. Религия как «аутопоиетическая система» в работах Никласа Лумана; Астахова Л. Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца: религиозные практики как сети значений // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 3 (31), даже если и принять во внимание фундаментального порядка разработки проф. М.А. Аркадьева, который строит свою концепцию на положении, что язык, во всей его невообразимой сложности – причина (а не следствие) человеческого сознания, т.е. сознание (в узком, а не обычном широком смысле) он рассматривает как особую различающую, объективирующую и отчуждающую способность, возникшую благодаря различающей силе и структуре языка [Аркадьев, 1993, 2013].

⁷ P.S. – аксиоматическое допущение: Человек – объект, знающий себя как нетождественное себе. Как следствие: Человек – закон бытия; отчуждённая воля – власть.

⁸ При рассмотрении такого феномена как вера (религия) – анализа объёма и содержания этого/этих понятий, – мы предлагаем опираться на их качественный семантический (генетический) признак – отчуждение, который вместе с тем есть фундаментальное начало становления «Я» (субъектности и суверена). Особенность природы «отчуждения» – этой фундаментальной функции – открывать, обеспечивать проявление универсалий и/или категорий, базовыми из которых являются бинымы «бытие – ничто», «сакральное – профанное», «духовное – вещное», «идеальное – материальное», «Бог/Абсолют – человек», «трансцендентное – трансцендентальное/имманентное», «власть – право/обязанность», «единое/целое – конкретное/индивидуальное» «общее – частное» и т.п. Именно эта «природная», по отчуждению, схожесть Религии и Власти обуславливает процессы сакрализации/клерикализации власти и религиозизации политики как и идеологизации и политизации (этатизации) религии – по сути, диффамации каждой, если в культуре институты науки и образования не обеспечивают онто-аксиологическое удостоверение их оснований, а законодательные и правоохранительные органы не обеспечивают разделение властей и развитие гражданского-государственных процессов и институтов [Ризоев, Шмидт, 2018].

⁹ См. подробнее: Аллаhverдян, Я.О., Шмидт, В.В. Религия в системе гражданских и государственных отношений: вызовы, контекст, задачи / Я.О. Аллаhverдян, В.В. Шмидт // Труды IV Конгресса российских исследователей религии: Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: сборник докладов / Под ред. А.П. Забяко, М.М. Шахнович, Е.А. Аринина, П.К. Дашковского, В.В. Шмидта, Е.С. Элбакян. – Благовещенск, Изд-во Амурского гос. ун-та, 2018. – С. 289–295.

References

1. Arinin E.I. *750 opredeleniy religii: istoriya simvolizatsiy i interpretatsiy* [750 Definitions of Religion: The History of Symbolizations and Interpretations]. Vladimir, 2014, 650 p. (in Russian).
2. Arinin E.I. *Chto takoye religiya: 500 opredeleniy termina s kommentariyami* [What Religion Is: 500 Definitions of the Term with Commentaries]. Vladimir, 2013, 245 p. (in Russian).
3. Arinin E.I. *Filosofiya religii: Akademicheskoye vvedeniye v osnovnyye kontseptsii i terminy: uchebn. Posobiye dlya studentov spetsialnosti i napravleniya «Religiovedeniye»* [Philosophy of Religion: Academic Introduction to the Main Concepts and Terms: Textbook for Students of “Religious Studies”]. Vladimir, 2014, 407 p. (in Russian).
4. Arinin E.I. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow, 2017, no. 4, pp. 25–36 (in Russian).
5. Arkadyev M.A. *Lingvisticheskaya katastrofa* [Linguistic Catastrophe]. Moscow, 2013, 504 p. (in Russian).
6. Arkadyev M.A. *Vremennyye struktury novoyevropeyskoy muzyki: opyt fenomenologicheskogo issledovaniya* [Temporary Structures of New European Music: The Experience of Phenomenological Study]. Moscow, 1993, 168 p. (in Russian).
7. Chanyshv A.N. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow, 1990, no 10, pp. 158–165 (in Russian).
8. Elbakyan E.S. *Religiya v menyayushchemsya mire* [Religion in Changing World]. St. Petersburg, 2012, pp. 309–331 (in Russian).
9. Epshteyn M.N. *Oktyabr* [October]. Moscow, 1996, no 9, pp. 158–165 (in Russian).
10. Epshteyn M.N. *Religiya posle ateizma: novye vozmozhnosti teologii* [Religion after Atheism: New Abilities of Theology]. Moscow, 2013, 416 p. (in Russian).
11. Gilson E. *Filosof i Teologiya* [Philosophy and Theology]. Moscow, 1995, 192 p. (in Russian).
12. Kharitonov A.S., Shmidt W.V. *Evraziya: dukhovnyye traditsii narodov* [Eurasia: Spiritual Traditions of Peoples]. Moscow, 2012, no 3, pp. 15–38 (in Russian).
13. Kimelev Yu.A., Petr (Eremeyev) hegumen, Shmidt W.V. *Evraziya: dukhovnyye traditsii narodov* [Eurasia: Spiritual Traditions of Peoples]. Moscow, 2012, no 3, pp. 39–46 (in Russian).
14. Kozlov M.V. Shmidt W.V. *Gosudarstvennaya sluzhba* [State Service]. Moscow, 2017, no 4, pp. 73–78 (in Russian).
15. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, 2003, 605 p. (in Russian).
16. Molchanov V. *Logos*. Moscow, 1992, no 3, pp. 7–36 (in Russian).
17. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya: izbran. raboty* [Logic and Growth of Scientific Knowledge: Selected Works]. Moscow, 1983 (in Russian).
18. Pylayev M.A. *Kategoriya «svyashchennoye» v fenomenologii religii, teologii i filosofii XX v.* [The Category “Sacred” in the Phenomenology of Religion, Theology and Philosophy of the 20th Century]. Moscow, 2011 (in Russian).

19. Rakhmanin A.Yu. *Religiovedcheskiye issledovaniya* [Religious Studies]. Moscow, 2009, no 1–2, pp. 7–23 (in Russian).
20. Rizoyev, Sh.Kh. Shmidt, W.V. *Voprosy nacional'nykh i federativnykh otnoshenij* [Questions of National and Federal Relations]. Moscow, 2018, no 4 (32), pp. 337–346 (in Russian).
21. Ryazanova S.V. *Nauchniy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of RAS]. Moscow, 2013, t. 13, vol. 1, pp. 37–50 (in Russian).
22. Shmidt W.V. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura* [Ethnosociety and International Culture]. Moscow, 2014, no. 10 (76), pp.18–24 (in Russian).
23. Shmidt W.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2011, no. 3, pp. 69–74 (in Russian).
24. Strup, K. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and Abroad]. Moscow, 2014, no. 1 (32), pp. 9–39 (in Russian).
25. *SVÉChA–2013. T. 23: Religiya, religio i religioznost v regionalnom i globalnom izmerenii: mat-ly Mezhdunarodnoy konferentsii «Religiya i religioznost v lokalnom i globalnom izmerenii» (30–31.10.2013. Vladimir. VIGU)* [Candle-2013. Vol. 3. Religion, religio and Religiosity in Regional and Global Terms: Proc. of International Conference “Religion and Religiosity in Local and Global Terms” (October 30–31, 2013, Vladimir, Vladimir State University)]. Vladimir, 2013, 279 p. (in Russian).
26. *Trudy IV Kongressa rossijskix issledovatelej religii: Religiya kak faktor vzaimodejstviya civilizacij: sbornik dokladov* [Proc. of the 4th Congress of Russian Scholars of Religion: Religion as a Factor of Interrelation of Civilizations]. Ed. A.P. Zabyako, M.M. Shaxnovich, E.A. Arinin, P.K. Dashkovskiy, V.V. Shmidt, E.S. Elbakyan. Blagoveshchensk, Izd-vo Amurskogo gos. un-ta, 2018, 582 p. (in Russian).
27. Zabyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2010, no. 4, pp. 152–164 (in Russian).
28. Zabyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011, no. 1, pp. 114–126 (in Russian).
29. Zabyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011, no. 3, pp. 88–94 (in Russian).